

Разговор свободных людей

«Разговоры В.Д. Дувакина с М.М. Бахтиным». М., Издательская группа «Прогресс».

Когда-то знаменитый циркач Лазаренко прыгал на арене через восемнадцать лошадей и сколько-то слонов... Сейчас у нас – всеобщая тоска по серебряному веку, много нашлось и желающих пообщаться дружески с самим Александром Сергеевичем (не худо бы заручиться встречным желанием!). Однако не так-то просто перемахнуть через такую толщу времени. Протягивая руку к сокровищам прошлого, мы неизбежно соприкасаемся с «промежуточными» поколениями. Наверное, они менее интересны нам сейчас, а все же свое дело и эти люди сделали. Что могли, сохранили и передали из рук в руки. Так вот, один церковный историк писал, что в своем детстве звал стариков, которые детьми видели Спасителя...

Только что тиражом в 1500 экземпляров вышла удивительная книга... Предыстория ее такая: видный маяковед, профессор Виктор Дмитриевич Дувакин, подержавший в зале печально известного суда своего ученика Андрея Синявского, лишился работы на филфаке. Все же он смог в родном МГУ трудоустроиться. Новой обязанностью стала регулярная магнитофонная запись бесед с деятелями культуры, с людьми, помнившими первую треть столетия. Начал Дувакин с тех, кто помнил Маяковского, но затем круг значительно расширился. Итог трудов поражает воображение: до своей кончины в 1982 году Виктор Дмитриевич записал исповеди трехсот собеседников. Сейчас стали выходить книги, созданные на основе расшифровки бесценных бесед, и одна из первых – это шесть разговоров с Михаилом Михайловичем Бахтиным, записанных в феврале – марте 1973 года. Они заняли 800 минут без одной минуты. Диалоги, прерываемые только вторжениями любимицы хозяйина – кошки... Ее услащивали, и ей также даровано скромное бессмертие. Нет уже ни той кошки, ни Бахтина, ни Дувакина, остались кассеты...

Так эти собеседники непохожи. При некоторой общности интересов – жизнь в разных измерениях. Не думаю, что у маяковцев оставались еще в тот период хоть какие-нибудь советские иллюзии, но все-таки он был слеплен иной эрой. В общем, вышел разговор советского интеллигента с русским... Дувакин неглуп, начитан, порядочен, мил со своей самонадеянной живостью, даже артистичен. Но ошутим, может быть, не до конца сознаваемый маяковцами страшный культурный личностный перевес Бахтина. Бахтин и Дувакин отчетливо являют собой две университетские эпохи:

«Б.: Вы знаете, нужно сказать, великолепная студенческая столовая была, великолепная, где за... точно я не помню сейчас, но примерно так за гривенник можно было великолепно пообедать.

Д.: В мои годы тридцать три копейки стоил обед, и паршивый, надо сказать.

Б.: А тогда был хороший».

Но, как говорится, «не хлебом единым...» Говорят они прежде всего о событиях духовной жизни. И дело не в том только, что Дувакин не слышал, скажем, имени Кьеркегора и не читал Бергсона (было бы дивно, если бы знал того и другого). Беда в том, что самые светлые и грамотные люди этой породы были в советской «зоне оплушения» отсечены от самых основ культурной традиции, имели на все минувшее взгляд, отчасти искаженный... Но тем благородней стремление хоть в пожилых летах рассоводиться и попытаться прозреть. В чем-то Дувакин даже информированнее Бахтина, знает поздние книги эмигрантов, трудно проникавшие в страну с Запада. И все же в диалоге (а это, несомненно, диалог, и Дувакин говорит немногим меньше Бахтина) он сравнительно слабее. И Михаилу Михайловичу нелегко уловить границы его по-

знаний. Даже современную литературу Бахтин представляет себе лучше, видит дальше. И недаром сказано, что знание некоторых принципов важнее знания каких-то отдельных фактов.

Своих собеседников перед началом записи Дувакин обычно убеждал оставить страхи и говорить только правду, памятуя, что они выступают перед последним судом, обращаются к потомкам. Пожалуй, Бахтин в таком предуведомлении и не нуждался. Потому что всегда был свободен. Жить ему оставалось года два. Он тяжело болен, искалечен болезнью. Усталость, склероз. И все же мозг силен, основы знаний нерушимы, суждения последовательны, глубоки, разветвлены. Лишь отдельные строки стихов вызывают, имена забываются. Удивительно, что вдруг забыл имя Шеллинга... Речь участников диалога, поминутно перебивающих друг друга, имеет свои особенности. Порою каждый слышит только себя, каждый думает о своем – наше дело прислушаться к словам того и другого и вычитать что-то свое, третье.

Вот Бахтин говорит о художниках, и только одно оборотное местоимение дает угадать высокое мнение о живописи не названной Серебря-

чным виде с прозаической ремаркой они и потрясают:

Вот была такая большая... – будут говорить на Западе. –

Была такая большая глупая страна, – да. – но петь, как порою она пела, Вам не удастся никогда.

...Не упоминается только злоба дня, отстранена политика. И тут ощущается между Бахтиным и Дувакиным какое-то ясное взаимопонимание: уйдет все текущее и ничтожное, восторжествует истина Истории. И в кухонной обстановке в солнечной пыли весеннего дня запросто звучат громовые откровения.

Например, такое:

«Д.: Меня ошарашила точка зрения, что рано или поздно...»

Б.: Еврейство – да, объединится, признает Христа, войдет... Как это, в какой форме... главное...

Д.: В признании Христа?

Б.: Да».

Эту насущную книгу предваряют две милые статьи Сергея Бочарова и Владимира Радзишевского. Завершается же она умным, искусно-изворотливым послесловием «дейтельного» (выражение Бахтина) Вадима Кожина, которого кипучая деятельность увлекла далеко – в сторону Охотного ряда. Мне кажется, если бы сей бахтинский ученик лучше вчитался в книгу и, в частности, оценил давние комплименты, сделанные любимым учителем, то впору бы ему покрыться пятнами стыда, а не писать бессовестные слова. Все ж таки Михаил Михайлович (см. стр. 248) называет антисемитизм явлением «чисто мешанским».

Недавно бокие телевизионщики записали на пленку обращение одного видного актера к его внуку, поклявшись, что кассета будет передана по адресу через тридцать лет. Актер умер, и репортерский соблазн оказался велик: запись тут же увидели миллионы зрителей. Чем будущая жизнь внука несколько осложнилась, он еще и школы не окончил, а девушка хвалит его за достойную форму развода с первой женой... Со времени бесед Дувакина с Бахтиным прошло почти четверть века, и их содержание, отлежавшись, пришло к нам, кажется, вовремя. Совершилась история.

В этом разговоре Михаил Михайлович твердо называет себя «мыслителем». Трудно придумать другое служебное слово. Но ведь им выражена и самая суть высочайшего призвания. Бахтин – крупная и все более укрупняющаяся со временем фигура отечественной культуры. Не имел чести быть с ним знаком, но вот одно, может быть, не постороннее воспоминание... В семидесятых годах я стал постоянным переводчиком Ираклия Абашидзе, видного грузинского поэта. Человеком он был необыкновенно одаренным, адски умным, сильным и волевым. Было ему уже за пятьдесят, когда он решительно перечеркнул весь свой «комсомольский» период и написал могучее покаянное произведение, поэму «Палестина», Палестина». Спустя годы выяснилось, что М.М. Бахтин, ознакомившись с поэмой в блестящем переводе Александра Межирова, немедленно написал письмо в Стокгольм и выдвинул ее на Нобелевскую премию. Я присутствовал при разговоре ошеломленных запоздалой вестью Абашидзе и Межирова. Честолюбивый Ираклий Виссарионович пытался осмыслить событие в плане своей неожиданной опалы минувших лет. Александр Петрович, махнувши рукой, сказал: «Все-таки ты до конца не понимаешь, кто такой Бахтин. Ведь его рекомендация ценнее, чем Нобелевская премия!»

Виктор Дувакин

Михаил Бахтин

ковой... Замечательна оговорка Михаила Михайловича при чтении пушкинского отрывка, когда вместо «родне» сказано «Рабле». Фрейд привял бы к сведению обмолвку автора книги о Рабле. Вообще по просьбе Дувакина Бахтин читает много стихов и судит о разных поэтах, русских и иностранных. Лично для меня это самое интересное. Учитываю мнения о Бодлере и Эредиа, Блоке и Маяковском, Клоеве и Цветаевой, Ходасевиче и Гумилеве. Радует меня любовь Бахтина к Анненскому, Брюсову, Кузмину, Сологубу, к стихам и прозе призабытого Вагинова. Огорчает недооценка Ахматовой, пренебрежение к Шенгели. Но о вкусах трудно спорить. Мне понятно, что Бахтину (это – общее свойство знатоков классической филологии, философов) всех милей высокообразованный Вячеслав Иванов. Что ж, и у него бывали изумляющие стихи. Бахтин рассказывает о многом. Об истории своего стародворянского рода, о своей семье, об учебе в гимназиях Орла, Вильно, Одессы (совсем не та вырисовывается Одесса, которую мы знаем по книгам писателей «Юго-Запада»). Петербургский университет и его профессура. Жизнь в Витебске, знакомство с Шагалом, о котором, по-моему, скороговоркой сказано немало: «Местный житель – длинноногий...» Общение с Малевичем. Целая повесть о великой пианистке Марии Вениаминовне Юдиной и о дружбе с ней. Великий лингвист Поливанов, великие актеры Сандро Монесси и Михаил Чехов, великий музыковед Иван Иванович Соллертинский. «Религиозно-философское общество» и Мережковские. Кантианский Марбург при Когене и перипетии казахской ссылки... Непринужденно обращаясь к своим культурологическим идеям, Бахтин говорит о философии и языкознании, о своей жизни и мировой литературе, о русской словесности и судьбе России. Его разрушающаяся память перестроила и очень сильно улучшила стихи гладкого и неяркого поэта Всеволода Рождественского. Именно в таком развин-